

Эта женщина и без того была слаба здоровьем, а из тех клубней батата, что дал ей Ду И, съела всего пару кусочков, да и те в основном разделила между детьми.

Теперь же у неё внезапно начались роды. Упав на землю, она слабо и жалостно застонала и лишилась чувств.

Увидев мать в таком состоянии, младшие дети умели лишь сидеть на земле и плавать в слезах, а те, что постарше, попытались подбежать к Сюй Цзыину, но их преградил путь Жун Фэйянь.

Сюй Цзыин толкнул Жун Фэйяня в плечо и потребовал:

— Пусти меня взглянуть.

Пусть он ничего в этом не смыслил, но базовые понятия всё же имел: человек ведь потерял сознание, как в таком состоянии рожать?

Жун Фэйянь сохранял невозмутимость. Заметив, что Сюй Цзыин упорствует, он бросил взгляд на женщину и протянул:

— Какой от тебя толк? Ты что, врач? Умеешь принимать роды?

— Я... — Сюй Цзыин запнулся, а затем его недовольство поведением мужчины лишь возросло:
— Но она же умрёт! И ребёнок в её чреве тоже погибнет!

Жун Фэйянь перехватил его за запястье, не теряя безмятежного вида:

— В этих краях каждый день умирают люди, и ты всех хочешь спасти? А если попадётся притворяющийся несчастным злодей, его тоже спасти бросишься? В конце концов даже не поймёшь, отчего сдох.

Сюй Цзыин оттолкнул его руку:

— Разве это одно и то же? Хватит нести чушь и поучать меня! — С этими словами он попытался сделать шаг вперёд.

Жун Фэйянь протянул руку, притягивая его к себе в объятия, и всё с той же улыбкой принялся уговаривать:

— Не сердись, Ин-ин. Ладно тебе самому о себе заботиться, так ведь есть ещё я, твой хоу. Тебе незачем идти, разве здесь не найдется лекаря?

Сюй Цзыин был готов вцепиться в него зубами:

— Отстань от меня! — Он попытался вырваться, но безуспешно, и в отчаянии выпалил: — Так вели же ему пойти и посмотреть!

Ду И не сдвинулся бы с места без приказа Жун Фэйяня, поэтому Жун Фэйянь отдал ему несколько распоряжений, а заодно подозвал пару случайно проходивших мимо дозорных солдат. Те принесли брезент и наскоро соорудили временную палатку, готовясь принимать роды.

Убедившись, что жизнь женщины вне опасности, Сюй Цзыин немного успокоился, но, возможно, из-за недавней стычки с Жун Фэйянем у него снова принялась настойчиво пульсировать голова.

Заметив, что Ду И прошёл пару шагов и вдруг вернулся с несколько помрачневшим лицом, Сюй Цзыин спросил:

— Что случилось?

Ду И украдкой покосился на Жун Фэйяня и замялся:

— Эм... поп... попкорн, только не забудь...

Сюй Цзыин процедил:

— Немедленно ступай, я сам тебе его зажарю.

Ду И засучил рукава и бросился принимать роды.

Жун Фэйянь сдержал усмешку:

— Не сердись, Ин-ин, он немного простоват, но лекарь из него толковый.

Сюй Цзыин вовсе не находил это забавным. С мрачным лицом он одарил его сердитым взглядом, развернулся и собирался уже шагнуть вперед, чтобы проверить, не сможет ли чем-нибудь помочь.

Жун Фэйянь окликнул его:

— Ты куда собрался?

Сюй Цзыин не пожелал отвечать и продолжил путь. В этот момент мимо промчался дозорный, сжимая в руках аптечку Ду И; он двигался так быстро, что чуть не столкнулся с Сюй Цзыином.

Жун Фэйянь резким движением притянул его обратно, велел солдату поторопиться, а сам сказал Сюй Цзыиню:

— Не будем мешаться под ногами, посиди пока смирно здесь.

Раз Жун Фэйянь отдал приказ, никто не смел проявлять небрежность.

Из палатки то и дело доносились разнообразные шумы: тазы с горячей водой один за другим уносили внутрь, а наружу выносили воду, окрашенную кровью.

Сюй Цзыин ничего не мог поделать, но всё же постоял некоторое время на прежнем месте. Услышав наконец донёсшийся изнутри женский крик и поняв, что роженица пришла в себя, он наконец почувствовал облегчение.

Он повернулся и зашагал к полевой кухне, а Жун Фэйянь увязался следом:

— Что задумал Ин-ин?

Сюй Цзыин по-прежнему игнорировал его. Войдя внутрь, он достал тот самый пакет с кукурузой, а затем ловко поставил котелок на огонь и плеснул масла.

Жун Фэйянь шагал за ним по пятам. Заметив, что от зерен почти ничего не осталось, он с наигранным удивлением воскликнул:

— Ого, Ин-ин, вся маисовая крупа в округе оказалась здесь, и остался всего такой крошечный пакетик.

Видя, как Жун Фэйянь остался в дураках, Сюй Цзыин почувствовал, как на душе стало чуточку теплее, и с поистине невозмутимым видом заявил:

— Верно, я всё раздал другим, и что ты мне сделаешь?

— Ничего. Впрочем, вообще-то это предназначалось тебе, но раз ты раздал всё людям, твоему хоу остается только молчать.

Сюй Цзыин не ожидал от него таких слов; в дураках на сей раз оказался он сам. Больше не говоря ни слова, он промыл оставшиеся зёрна и ссыпал их в глубокий чугунный котелок с закопчёнными боками.

Жун Фэйянь, скрестив руки на груди, наблюдал за ним со стороны, даже помог подать баночку с сахаром. Светлые глаза его лукаво изогнулись, а в голосе слышались улыбочивые нотки:

— Выходит, Ин-ин мастак готовить угощения. Повезло же мне, грешному.

Масло брызгало во все стороны, издавая отчаянное шипение. Сюй Цзыин закатил глаза:

— Мечтай больше, я вовсе не собираюсь готовить для тебя.

Кухня была тесной, звуки шкворчащего масла заполнили пространство со всех сторон, воздух пропитался густым дымом. Жун Фэйянь придвинулся вплотную и шепнул:

— Мм? Что ты сказал?

Сюй Цзыин нахмурился и глубоко вздохнул:

— Я сказал, что я...

Он машинально повернул голову, забыв, что крупная фигура Жун Фэйяня стояла вплотную к нему сзади и тот тоже подался вперёд. Его губы едва заметно скользнули по щеке мужчины.

Губы оказались мягкими, он даже успел ощутить мягкий пушок на щеке Жун Фэйяня. Сердце ухнуло куда-то вниз, а затем взлетело птицей — оба на мгновение замерли.

Сюй Цзыин тут же отпрянул, охваченный неловкостью. В ушах продолжало стоять сплошное трещание жарящегося масла, а в мыслях пронеслось три подряд чертыхания.

Он только что поцеловал Жун Фэйяня! Он действительно поцеловал Жун Фэйяня! Он заставил себя поцеловать Жун Фэйяня!..

Неизвестно, сколько времени прошло. Сюй Цзыин всё ещё стоял неподвижно, как вдруг почувствовал, как горячее дыхание коснулось мочки уха. Голос Жун Фэйяня прозвучал совсем близко и очень тихо:

— Ин-ин, в котелке начинает подгорать.

Только тогда Сюй Цзыин опомнился: из большого котелка уже тянуло тонким запахом гари. Он торопливо помешал зёрна, всыпал порцию сахара и захлопнул крышку — все движения слились в одно непрерывное действие.

Деревянная крышка заглушила звуки внутри котла, оставив лишь глухое потрескивание

взрывающихся зерен. Сюй Цзыин чувствовал, как кожа у уха горит от щекотки, но коснуться боялся.

Жун Фэйянь лукаво улыбнулся, прислонившись боком к опорному столбу рядом с ним, лицом к лицу со Сюй Цзыином.

Его сияющие глаза источали жар. Он даже поднял руку и подушечкой пальца легко потёр щеку — ровно в том месте, которого коснулись губы Сюй Цзыина.

Сюй Цзыин, словно опалив веки, поспешно отвёл взгляд и с предельной неестественностью крутанулся на месте, выходя наружу.

Жун Фэйянь ничего не сказал и не стал преследовать его. Вместо этого он остался у котелка и подбросил в очаг ещё пару поленьев.

Хотя он толком не понимал, чем занимается Сюй Цзыин, дождавшись, пока звуки в котелке стихнут, он приоткрыл крышку и сам оказался заворочен этим странным лакомством с невероятно сладким ароматом.

Он горстью захватил немного зерен, вернул крышку на место и только после этого вышел. Сюй Цзыин ушел недалеко — он стоял у колодца, не сводя глаз с палатки временного родильного отделения.

Жун Фэйянь подошёл к нему, закинул в рот пару попкорнок и, продолжая жевать, похвалил:

— Что это ты приготовил, Ин-ин? И вправду вкусно.

Сюй Цзыин оставил это без внимания. Решив, что тот всё ещё дуетса, Жун Фэйянь склонил голову, заглядывая ему в лицо:

— Ин-ин?

Внезапно Сюй Цзыин вцепился в его руку, сжав пальцы до боли, и мрачно произнёс:

— Почему... столько крови?

До этого все мысли Жун Фэйяня были заняты исключительно Сюй Цзыином, и лишь теперь, проследив за его взглядом, он заметил багряные лужи. Большое количество испачканной кровью воды, выплеснутой прямо возле палатки, скопилось в неровной ямке у самой стены, едва ли не превратившись в маленькое озерцо.

Песчаная почва в этих местах была рыхлой, однако за столько времени жидкость даже не впиталась в землю — легко было представить, сколько крови вынесли наружу.

Тяжёлый запах крови в воздухе оживил память Сюй Цзыина, к горлу подступил новый приступ тошноты. Жун Фэйянь, уже догадавшийся об исходе дела, успокаивающе прошептал ему на ухо:

— Ин-ин, у каждого своя судьба.

<http://bllate.org/book/18792/1825618>